

ИСКУССТВО ДИАЛОГА

«Шедевр ведет не властный монолог, а несмолкающий диалог» – эти слова французского писателя Андре Мальро стали эпиграфом книги Надежды Загрибельной (Рауповой) «Жизнь шедевров. Post scriptum», изданной недавно в Алматы. Для литературы, издаваемой в Казахстане, эта книга является уникальной.

Писать об известных творениях, пытаясь погрузиться в индивидуальный мир каждого художника, – задача не из простых, тем более непросто ввести читателя в этот сложный мир, превратив его из читателя в зрителя. Автору удалось найти верную, выразительную «палитру» чувств и слов в описании произведений каждого художника. Это не искусствоведческий анализ, а скорее пристальный взгляд внимательного зрителя, не побоявшегося вступить в диалог с шедеврами, нашедшего нужные вопросы и настойчиво ищущего ответы в самих полотнах. В одной из глав автор приводит слова Ильи Репина: «Сначала художник рисует просто и плохо. Потом сложно и хорошо. И только потом просто и хорошо». Это высказывание можно отнести и к самой книге, которая написана просто и хорошо.

Если задаться вопросом, что определило ясность языка и эмоциональную манеру разговора о таких далеко не простых художниках, как Питер Брейгель Старший, Рене Магритт, Сандро Боттичелли, Казимир Малевич и других, то одно из объяснений, вероятно, можно найти в том, что Надежда имеет за плечами 30-летний опыт преподавания детям основ изобразительного искусства и 20-летний опыт работы над учебниками по ИЗО для школ Казахстана. Ни для кого не секрет, что говорить с маленькими детьми об искусстве очень сложно: чтобы донести до них непростую информацию, надо излагать мысли очень четко, логично, максимально просто и эмоционально.

Важно и то обстоятельство, что, владея ремеслом, Надежда может представить творческий процесс изнутри, поскольку знакома с ним не понаслышке (сама в прошлом участвовала в выставках, публиковалась в центральной периодике и в каталогах профессиональных художников), то есть ей как человеку, имевшему дело с красками, карандашом, листом бумаги, легко представить, как действует творческая кухня на самом деле. И третий факт заключается в том, что автор не новичок в писательском деле, ее яркие эссе об искусстве, путешествиях, размышления о детском творчестве не раз появлялись в отечественной периодике.

Но лучше не строить предположения, а задать несколько вопросов самому автору – Надежде Загрибельной.

– Надежда, почему все-таки за многочисленными отдельными эссе случилась, пользуясь выражением Андрея Вознесенского, эта книга?

– Ну, раз вы вспомнили Вознесенского, то я отвечу его же словами, которым стараюсь следовать: «Если можете не писать, то не пишите». В данном случае я не могла не писать, потому что с детства любая встреча с творениями художников в Третьяковской галерее, Пушкинском музее, Эрмитаже, Русском музее оставляла глубокий след и либо цепко держалась в памяти, либо сохранялась в виде каких-то записей. Позже возникла возможность поехать по миру и своими глазами увидеть шедевры Лувра, Уффици, музеев Ватикана, Нью-Йорка, Вашингтона, Вены, Мюнхена, других галерей. Это потрясение не могло прекратиться внезапно, после выхода из музейных залов оно продолжало жить внутри меня, требовало продления уже заочного общения: хотелось продолжать вдумываться, анализировать свои чувства, и, в свою очередь, всё это потребовало выхода наружу. Сначала это были разрозненные записи, обрывочные мысли, описание эмоций, но постепенно пазлы начали собираться в нечто единое. Набело книга писалась восемь лет, а если учесть самые ранние впечатления, то гораздо дольше. Эта книга ни в коей мере не пособие о том, как воспринимать произведение искусства, она о том, что если задержаться у произведения хотя бы на несколько минут, всмотреться, вдуматься, вчувствоваться в него, оно может поднять наши чувства на такие высоты и увести мысли в такие глубины, о существовании которых мы изначально и не подозревали.

– И в самом деле, мы берем роман и начинаем читать, переходя от страницы к странице, от главы к главе, и можем судить о нем, лишь перевернув последнюю страницу, а если это глубокое произведение, то осмысливание его может продолжаться в течение всей жизни...

– Такого же погружения требует и произведение изобразительного искусства. Но, к сожалению, как правило, зритель пробегает по музею за пару часов мимо сотен шедевров. Кому-то кажется, что достаточно посмотреть на картину несколько минут, и о ней уже известно достаточно: кто написал, когда, название, что изображено. Помнится, еще девчонкой я стояла в Пушкинском музее в зале импрессионистов, и туда вошла шумная французская делегация. Они буквально пробегали мимо картин, со знанием дела восклицая: «О! Гоген. О! Моне, Пикассо, Ван Гог!» и т. д. Как-то очень грустно стало от этого...

Мне захотелось, не особо умничая, разбудить у читателя подозрение в том, что изобразительное искусство имеет множество слоев, что сразу все их считать нельзя. Что надо возвращаться к одному и тому же произведению много раз, и каждый раз оно может открываться с новой стороны, обнаруживать новые глубины.

Универсального рецепта вхождения в произведение не существует. Я и не пытаюсь давать никаких рецептов. Просто в книге мои собственные размышления по поводу некоторых творений великих художников, и я надеюсь, что они могут показаться кому-то интересными. Возможно, кто-то свяжет мои мысли со своими, углубив их, кто-то пойдет путем собственных размышлений. В любом случае, если моя книга станет для кого-то стимулом для изучения изобразительного искусства, значит, она была написана не напрасно.

– *А чем обусловлено такое название? Что значит «Post scriptum» в контексте жизни шедевра?*

– Думаю, когда творцом сказано все, что он хотел сказать, когда живописец кладет на холст последний мазок, ставя «точку» в своем произведении, тогда начинается новая жизнь его творения – жизнь «после написанного»... Её довольно сложно предсказать, так как на этом этапе самостоятельного существования она уже мало зависит от воли автора. Мы не знаем, какие шедевры канули в Лету в силу самых разных обстоятельств (вопрос, мучающий меня всегда), сколько их оказалось стёрто из памяти цивилизации. Другим творениям повезло больше, они дошли до нас сквозь века, но имен их создателей мы, увы, не знаем. Некоторые произведения, имевшие шумный успех у современников, вскоре забывались, и некогда громкие имена их авторов утрачивали свою, как оказывалось, временную позолоту, в то время как шедевры не признанных при жизни творцов через какое-то время вдруг начинали вызывать интерес, обретать вторую жизнь, становясь источником переживаний, размышлений для миллионов зрителей. И это неудивительно: произведение, созданное в определенное историческое время, продолжая жить в других эпохах, в других исторических реалиях, обретает новые контексты, новые смыслы, новые трактовки, приобретает дополнительный «вес» нового времени и нового прочтения. Эта самостоятельная жизнь творения после написанного во многом зависит и от зрителя. Что остается в зрителе после встречи с шедеврами живописи, графики, скульптуры? Может не остаться ничего, так, увы, бывает, а может остаться глубокий след, побуждающий вновь и вновь возвращаться к произведению, говорить с ним, спорить, заново его открывать и осмысливать. Иногда такое общение может стать, по меткому замечанию Михаила Светлова, тем самым «необходимым лишним», без которого прожить невозможно. Так или иначе, жизнь произведения после того, как оно создано, продолжается уже в зрителях.

– *А художники, о которых Вы рассказываете в книге, это Ваши любимые мастера кисти?*

– Нет, мои самые любимые, те, «дыхание» которых я очень остро ощущаю, – это Ван Гог, Рембрандт и Микеланджело. Но путь к ним очень непрост, я пока только подбираюсь к их творчеству – робко, на цыпочках. О любимых говорить сложнее, я много раз начинала писать о Ван Гоге, но все улетало в мусорную корзину. Творчество тех художников, о которых я пишу в книге, меня очень волнует: Питер Брейгель – неоднозначный, до конца не разгаданный, не оставивший о себе никаких свидетельств, кроме своих картин, умеющий зорко видеть все несовершенство мира и одновременно восхищаться его красотой; не широко известная, очень камерная и самобытная итальянская художница XVII века Джованна Гарцони, опередившая в стилистике свое время, ее натюрморты, как мне кажется, просто необходимы нашему XXI веку, так как создают в бешеном темпе современной жизни оазис тишины и гармонии, необходимый современному человеку для передышки, а может, и перезагрузки; художник XX века Рене Магритт – мастер задавать вопросы, побуждающие зрителя мыслить нестандартно... Мне хотелось собрать в книге разноплановых художников. Русский художник

Борис Кустодиев, который в свое время восхитил меня силой духа и готовностью к счастью, Казимир Малевич, о «Черном квадрате» которого не писал только ленивый, но надеюсь, что мне удалось сказать что-то свое об этом шедевре. И наконец Сандро Боттичелли, без творчества которого невозможно понять особенности эпохи Ренессанса и, как мне кажется, невозможно прочувствовать дыхание Флоренции – города, в котором художник родился и творил.

Это художники разных национальностей, разных эпох, стилей и направлений в искусстве, думаю, всех их объединяет одно: творения, созданные ими, до сих пор ведут активный и актуальный диалог со зрителем.

– В книгу о живописи Вы активно вводите поэтические фрагменты, причем очень часто не современных художникам поэтов. Это помогло лично Вам в изложении непростых вещей, или Вы считаете, что переключка поэзии с живописью поможет читателям лучше войти в ткань произведений?

– Вот не задумывалась об этом! Просто во мне самой очень часто звучит эта переключка. Так, например, сколько раз ни видела бы я «Поцелуй» Климта, я всегда слышу пронизанную теплым светом музыку Микиса Теодоракиса и чувственный голос Далиды, исполняющей его песню «Мой брат – солнце». Видимо, подобные связи для меня настолько органичны, что естественным образом вошли в ткань повествования. Вообще творения, выйдя из-под кисти художника, из-под пера поэта или композитора, то есть начиная жизнь post scriptum, вступают в диалог не только со зрителем, слушателем, но и с произведениями других творцов, созданных ранее, и продолжают этот диалог с творениями, которые появятся после них. Эта непрерывная переключка искусства, с одной стороны, условие «самовозобновления» произведений в новых реалиях, а с другой – свидетельство того, что искусство вечно.

Следует отметить, что книга Н. Загрибельной «Жизнь шедевров. Post scriptum» вышла малым подарочным тиражом на благотворительные средства Адвокатской конторы «Mcgreen & Partners» и Республиканского центра правовой помощи и уже получила самые высокие оценки читателей в России, Грузии, Украине и Италии. Хочется выразить надежду, что в ближайшее время книга найдет заинтересованного издателя, выйдет достойным тиражом и займет свое место на полках книжных магазинов и библиотек страны, став доступной казахстанскому читателю и обогатив его знаниями о мировых шедеврах.

